

**Степан
СИВЦЕВ (Хамалга)**

Колыма

АҔҔИҔҔ-ПОҔИҔҔ - ДУХ ЭҔҔИИ

Илья Таланов был человеком сугубо городским. Его детство и юность прошли в сутолоке и тесноте большого индустриального города. Общение с природой ограничивалось традиционными весенне-осенними вылазками всем классом в пригородные леса. Очень уж не нравились Илье эти походы – захлащенные, чахлые леса с воздухом, отравленным выбросами ядовитого дыма сотен заводов, не вызывали у него никаких чувств.

По окончании педагогического института направили его в Якутию, в страну юкагиров – когда-то могущественного многочисленного народа, населявшего почти всю Восточную Сибирь. О них сложили очень красивую легенду: когда юкагиры зажигают свои костры, то на небе загорается северное сияние – «дьюкябилуота» – «огни юкагиров», как говорят якуты. Выносливый, адаптированный к суровым условиям гордый народ не смог противостоять оспе, завезенной русскими казаками, и случился страшный мор, погубивший почти всех юкагиров.

В Ярхадане, где жили таежные юкагиры – охотники и рыболовы, Илью вначале встретили настороженно – еще свежи были в памяти воспоминания об удачных предприимчивых пришельцах с огненной водой и жестким взглядом рыбьих глаз.

Как-то раз Илья, гуляя по высокому яру, увидел, как внизу у реки старик Чемоданчик, чертыхаясь, бьет палкой лодочный мотор.

Почему старика звали Чемоданчик – отдельный рассказ.

Существуют две версии.

Юкагиры рассказывали: в те времена, когда родился Чемоданчик, чемоданы были только у летчиков, военных и парработников. Поэтому чемодан был символом самодостаточности, высокого положения и сытой жизни. Когда Хобороонньо (Феодора Алексеевна), мать Чемоданчика, была на сносях, все время мечтала о той поре, когда и она займет чемодан. Поэтому, кормя грудью сына, она постоянно напевала: «Чемоданчик, мой чемоданчик!»

Вторая версия – малышом он нашел чемоданчик и постоянно таскался с ним...

И вот на вопрос, что же случилось, Чемоданчик ответил: «Плохой мотор, ленивый мотор! Не хочет везти меня до стойбища!» С разрешения старика Илья разобрал мотор, прочистил помпу от набившегося песка, удалил нагар со свечи и, собрав обратно мотор, с первого раза завел его. Удивлению и восхищению старика Чемоданчика не было предела. Он сразу же повел Илью к себе

и, открыв кладовку, вытащил во двор еще три лодочных мотора. Неисправности были легко устранимыми, и молва о золотых руках приезжего учителя труда мигом облетела всех рыбаков и охотников. С тех пор ледок в отношениях между Ильей и аборигенами растаял, его стали звать с собой на рыбалку и охоту на уток. Бурные горные речки с коварными перекатами и порогами, гривы с вечнозелеными стланиками, кочкастые мари – вот тут-то, в первозданной природе Колымы, и проснулись у Ильи инстинкты к охоте и рыбалке: на подъемные и первую зарплату он купил себе ТОЗ-34 штучной серии, лодочный корпус «Обь» и лодочный мотор «Вихрь-30». Юкагиры, благодарные за бескорыстную помощь в ремонте лодочных моторов, подарили меховой спальник из оленьих шкур, сшили кухлянку из лебяжьей шкуры и торбаза из сыромятной кожи.

Настала зима. Земля укуталась пышным снегом, морозы стали крепчать. Однажды во время осенних каникул к Илье подошел дед Спиридончик – уважаемый не только среди таежных, но и тундровых юкагиров, художавый, быстрый в движении старик. Он прославился не только мудрым, философским отношением к жизни, постоянной удачей в охоте и рыбалке, но и тем, что в молодости в одночасье отказался от спиртного.

– Илья, я и мой друг Николай Алексеевич хотим позвать тебя на охоту. Покажем тебе старинный способ скрадывания лося. Если ты согласен, поедем завтра с утра.

Илья с удовольствием согласился. Ночью ему не спалось: как только он закрывал глаза, перед взором вставала картина – огромный вислорогий лось, прижав голову к земле, всхрапывая огнедышащими ноздрями, несется во весь опор на него...

В условленное время к дому подкатили два «Бурана». Илья погрузил на нарту Спиридончика свои вещи и уселся к Николаю Алексеевичу. Николай Алексеевич, низкорослый крепыш-весельчак, в молодости был бессменным председателем колхоза «Красный юкагир». Во время слияния колхозов он резко воспротивился тому, чтобы колхоз юкагиров и соответственно деревню передали в распоряжение Дальстроя – преемника Колымлага, и был снят с должности председателя. Партбилет у него все-таки побоялись отобрать...

Красив лес ранней зимой. Деревья, укутанные серебристым куржаком, белоснежное полотно, укрывшее землю, – и пронзительная тишина, изредка нарушаемая шепотом слетевшего с ветвей снега – что может быть прекрасней?

К полудню приехали к Трехречью. Внизу клубилась туманом незамерзающая полынья. На этом

месте, под валком, воедино сливались три горных ручья. Видно было, что это место стоянки рыбаков, охотников. На старый каркас из жердин натянули палатку, тщательно укрыли снегоходы белой материей, вскипятили чай. Долго пили чай, ведя неторопливую беседу о том о сем. После чая настало время курения. Спиридончик смолил «беломорину», Николай Алексеевич интеллигентно попыхивал сигаретой.

– Илья, мы сейчас на лыжах пойдем к тем сопкам. Думаю, дойдем до Шаманихи. Ты останешься здесь. Через два дня утром выйди вон к той валежине и жди. Часа через два-три будет проходить сохатый – ты уж постарайся, завали его!

Как долго тянется время, когда ты чего-то ждешь! Илья не мог найти себе места в течение двух дней: нарубил как можно больше сухостоя, чтобы кто-нибудь, заплутавший в этих краях, мог без проблем разжечь спасительный костер и тем самым спастись, перекладывая ветки стланика на полу палатки, чтобы старикам спалось мягко. Настало утро – и Илья, надев маскхалат, такой знакомый по службе на границе, вышел на отведенное место.

Время тянулось очень медленно. Края капюшона от дыхания стали покрываться инеем. Слух напрягся до предела. Чу, где-то там закричал-закаркал ворон – вестник то ли удачной, то ли последней охоты охотника. А вот заверещала кукушка-ябедница. И – тишина. Колючая, бессмысленная, тяжелая...

...Ух, как холодно! Оказывается, Илья чуть придалвил «храпака». Перед ним открылась картина снежного незапятнанного полотна – значит, сохатый здесь не проходил. Илья посмотрел на свои часы: они показывали четвертый час.

– А ведь никакой зверь не прошел, так что я могу пойти погреться в палатку, а там посмотрим.

Почему, как только с мороза зайдешь в теплую палатку – так сразу и тянет спать! Илья и не заметил, как заснул.

Проснулся он от громкого выстрела и, схватив карабин, выскочил на улицу. Чуть севернее валежника, где он должен был сидеть в засаде, старики наклонились над убитым огромным сохатым. О, как ему было стыдно!

– Илья, где ты был, почему пропустил лося?

Илья не смог найти слова, которые могли бы оправдать его.

– Может, ты приболел?

Илья убедил товарищей по охоте в том, что он в полном здравии и что он выходил на засаду в условленное время, но замерз и зашел на минутку в палатку погреться.

– Вот видишь, на охоте нужны терпение и выносливость. Потерпел бы ты немножко – и смот-

204 *Степан Сивцев (Хамалга)*

ри, добыл бы своего первого лося. Ну да ладно, не расстраивайся, все еще впереди.

Мягко пожурился своего незадачливого напарника, старики принялись свежевать лося. Илья впервые в жизни видел, как разделяют такого исполина. Сначала, проведя острым лезвием якутского ножа вдоль груди к кончику хвоста прямую линию, начали снимать шкуру. Отделив шкуру от туши, вспороли брюшину и, сноровисто работая маленькими ножами, отделили внутренности и вывалили их на аккуратно расстеленную шкуру. Отделив сердце, печень, почки, отрезали самый лакомый кусок – мысас. Затем тем же ножиком расчленили тушу на четыре части, отделили голову. Каждую часть туши уложили в отдельности на чистый снег, шкуру сложили конвертом и оставили все это на морозе, с тем чтобы по застывании мяса погрузить на нарты.

В палатке Илья, уплетая за обе щеки вкуснейшее жаркое из печени сохатого, задал мучивший его вопрос:

– Как же это вы умудряетесь точно находить в этих бескрайних просторах зверя и, подогнав его в условленное место, завалить прямо у входа в палатку? Это же уму непостижимо!

– Это нам помог Лэбиен-погиль – дух Земли, – уважительно произнес Спиридончик.

– Да какой там дух, просто Спиридончик – дитя тайги, поэтому он безошибочно определяет по признакам погоды, времени, где может находиться лось. А подогнать лося к определенному месту – тут никаких сложностей. Надо, не очень тревожа сохатого, погонять его куда тебе хочется. Лось зрением слаб, больше полагается на свой слух. Главное – не

производить громкого шума и резких движений, – возразил прагматик Николай Алексеевич.

Хотя Илья и был истовым атеистом и материалистом, но ему по душе пришелся ответ Спиридончика.

– Лэбиен-погиль – добрый, справедливый дух. Он живет везде – в дереве, в воде, может принять вид любого зверя и птицы. Не раз бывало, Лэбиен-погиль выходил к стойбищу юкагира в виде сохатого и спасал его род от голодной смерти. Но если охотник становится жадным и жестоким, без причины бьет слишком много дичи, не делится добычей с сиротами и сирыми, то Лэбиен-погиль прогневается и пошлет на такого охотника порчу. С природой надо жить в согласии. Надобно жить не днем единым, а смотреть вперед, заботиться о том, чтобы и твоим внукам хватило зверя и рыбы. Нынче не те времена пошли. Раньше зверя было очень много, реки вскипали от проплывающей рыбы. А сейчас в тайге полно шатающегося народа без роду, без племени, каждый старается убить, урвать побольше. Совсем забыли про нашего духа. А Лэбиен-погиль все замечает и запоминает.

По приезде в село первым делом обошли старых и одиноких, не обделили и участковую больницу. Хотя Илье и достался маленький кусок мяса лося, ему на всю жизнь запомнилось то радостное чувство добытчика, когда старые юкагиры с достоинством принимали из его рук дар Лэбиен-погиля.

□

Степан Ефремович СИВЦЕВ (Хамалга)

родился в деревне Бетюнэ

в семье учителя, известного якутского поэта Таллана Бюрэ.

Окончил национальную школу, служил в Советской армии.

С отличием окончил Намское художественно-графическое педагогическое училище и уехал учительствовать на Колыму.

Жил в поселке компактного проживания юкагиrow – маленького, но гордого народа.

Прозаик, переводчик.

Печатался в литературно-художественных журналах республики, в «Литературной газете», «Литературной России», в российских охотничьих журналах.

Член Союза журналистов РФ, Союза писателей России,

Пишет на двух языках.

В журнале «Север» публикуется впервые.

